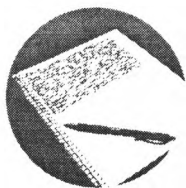

Рефлексия на себя и других

О жизни и о себе

ИНТЕРВЬЮ С АНДРЕЕМ ВОРОБЬЕВЫМ

Академик РАН и РАМН, директор Гематологического научного центра РАМН, заведующий кафедрой гематологии и интенсивной терапии Центрального института усовершенствования врачей.

1. Кто был Вашим значимым учителем?

У меня не было одного учителя. Были разные и замечательные.

Самым значимым учителем, определившим всю мою жизнь, была учитель литературы в десятом классе Варвара Александровна Царева (между собой мы ее любовно называли «Варя»). Она была моим учителем всю жизнь, хотя с каких-то пор мы оставались просто добрыми друзьями, она всего-то старше меня лет на десять. Мой десятый класс – это сорок седьмой год – только что кончилась война, тяжелое время, уже вышло постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», уже погромы, пока культуры... И вот трезвый, спокойный взгляд на историю родной страны (хотя она учитель литературы), на душу этой страны, которая всегда выражалась в литературе, ее разбор наших многочисленных сочинений – вот это все определило мою жизнь. До сих пор приходится много писать, независимо – научные это труды или публицистика, – Варя всегда со мной.

Профессиональные учителя: Владимир Харитонович Василенко, кафедра пропедевтики мединститута (я начал 1-й Московский мединститут); Александр Леонидович Мясников, может быть, самый значительный из профессоров, с которыми я работал (я год у него работал), считаю его своим важнейшим профессиональным учителем. Виталий Григорьевич Попов – Герой Труда, профессор, а в то время доцент, вел нашу группу. Мы всю жизнь очень дружили, опять-таки, несмотря на разницу возрастов –

около 25 лет. Ну и непосредственный учитель, у которого я унаследовал кафедру, – Иосиф Абрамович Касирский. Кроме того, моим безусловным учителем был врач Волоколамской больницы Николай Михалыч Плотников. После института я поехал туда работать с женой, с сыном и жил некоторое время у него. Это трудно передать, потому что врачебная работа тех времен (это 53-й год) требовала величайшей точности в действиях, в мышлении... Она передавалась этим полусельским врачом, высшей пробы русским интеллигентом, высокого класса потомственным врачом Н.М. Плотниковым. Еще – Раиса Михайловна Троицкая – главный врач, терапевт. Н.М. Плотников же был хирург, акушер и рентгенолог. Мы все были универсалы.

Учитель, который учил уже меня взрослого, сложившегося врача, – это Израиль Моисеевич Гильфанд. Он организовал семинар и в какой-то мере у истоков был я (я лечил его сына Сашу от острого лейкоза). Гильфанд решил создать биологический семинар по клеточной дифференцировке. Из этого семинара вышло довольно много академиков – Спирин, Атабекова, Скулачев, Васильев, Абелев, ваш покорный слуга... Я всех не перечислил, их много... Причем, он математик был. Он совершенно гениальный, фантастический человек. С точки зрения рационального анализа личности – он не поддается анализу. Это человек, который ведет семинар, ты делаешь доклад, а он в это время громко с кем-то разговаривает. Ты бесишься, но продолжаешь... И вдруг раздается: «Что он говорит? По-моему, он ничего не сказал. Давайте я вам повторю...». И он повторяет мой доклад не слово в слово, а его смысловую часть. Ты просто обалдеваешь от этого. И в тоже время он – крупнейший математик мира.

Вот мои учителя.

2. Вы удовлетворены своей карьерой? Что Вы называете карьерой?

Никогда не делал карьеры, но быть неудовлетворенным карьерой мне невозможно. Стать действительным членом Академии наук?! Это высший этап научной карьеры, но никогда в нашей семье, в нашей среде такого понятия не было. Сейчас я – директор Гематологического научного центра, но я пришел туда академиком, а академиком я стал, заведую кафедрой. Карьера – не карьера... Конечно, не без моего участия меня выбирали, но все равно, карьеры как таковой, – я не делал. Я никогда не был в партии, не был в комсомоле, я был вне борьбы за место. Жизнь так складывалась, что надо было прошибать все по двойному разряду. Мое поколение – это дети расстрелянных родителей, поэтому вся жизнь была очень слож-

на. Вот так же, как евреи из местечек, – они должны были иметь двойной запас прочности, им надо было с отличием кончать гимназию, им надо было поступать в университет и с отличием его кончать... Такие требования предъявляла жизнь, или ты вылетал за борт. Нужно сказать, что из моего Никологорского окружения чуть ли не каждая третья дача, где кто-то был или расстрелян, или посажен. В люди вышли все, без высшего образования я не знаю никого.

3. Каково состояние Вашей души в настоящий момент?

Ужасающее. Проданная страна, которой отдана жизнь многих поколений. Растление сверху, активное... Какое может быть состояние? Зачем вообще вся история? Зачем нам А.С. Пушкин? Зачем нам Л.Н. Толстой? Зачем нам Викентий Викентьевич Вересаев, живший на этой Николиной горе, А.В. Нежданова, В.И. Качалов? Зачем все это? Для того чтобы все распродать, вырубить эти леса и превратить высоченную культуру (ведь в мире высоченную) в чистоган? И мы хвастаем своим рынком, продав душу и Родину, развалив ее. Мы говорим о каком-то рынке... Мы клинические идиоты, единственные в своем роде! Во всем социалистическом лагере аналогов нет. Мы наплодили мелких тиранов по всем республикам и сохранили тиранию в своей стране. По конструкции это тирания (не важно, что она добрая – не сажает, но в любую минуту может это сделать). Конечно, это порождение ельциновской идеологии, это его конструкция власти, но это конструкция в условиях воровского капитализма. Капитализм не так жесток в двадцатом веке, он был с разумом. Мы же делаем какой-то безумный. Мы все время приговариваем об этом рынке, рынке, рынке... Рынок сделали большевики в виде НЭПа, между прочим. И в это время была уничтожена русская тюрьма, была отменена смертная казнь, были уничтожены все лагеря... Но это сохранялось до сталинского переворота в 1925–1927 гг., когда все было реставрировано. И вот теперешняя обалдевшая пропаганда нам навязывает мысль будто-то бы весь этот расцвет промышленности, культуры (вспомните наши журналы, культурные сообщества художников, поэтов, писателей)... И все это под откос, говоря, что это теперешняя революция. Ничего общего с революцией это не имеет! Это имеет общее с контрреволюционным переворотом Сталина. Навязывают мысль, будто бы революция разогнала церковь. Это ложь! Патриаршество восстановили большевики в 1918 г. Конечно, некоторых попов расстреливали, но они были стороной – белой. На войне уби-

вают. Но сажать массово начал Джугашвили, и он создал обновленческую церковь – новую, которую никто не признавал. Но теперь это растворилось, поэтому все гонения на церковь, все разрушения храмов начались только после двадцать седьмого года, когда Сталин завершил государственный переворот и установил личную диктатуру. Все наши беды отсюда – из тирании. Восстановление формы единоличного правления таит в себе глубочайшую опасность и для страны, и для всего мира! Это находится в таком хорошем взаимоотношении с очевидной имперской, но недалековидной политикой Америки. Она богата, она сильна, она позволяет себе все что угодно, она всех купила, и мы хлопаем ушами от бессилия. Ну что это... и Югославия, и Афганистан, и поиски Бен Ладена, и Садам Хусейн. Его давно надо было уничтожить как тирана, травившего тысячи курдов газом. Но свергать по договоренности с миром, а не в поисках мифического оружия массового уничтожения, которое сразу после этих акций растворилось. У нас его до черта у самих, и у американцев. На каком основании я могу говорить «У меня есть, а тебе не надо!»? Что за предлог. На чем же держится мир? На честном слове? У капитала нет честного слова.

4. Ваши планы на будущее?

Личные...

Какие личные, мне 75 лет. Мне надо заниматься внуками, но я ими очень мало занимаюсь, и они могут мне предъявить большущие претензии. В науке получается так: она навязывает свои задачи. Я врач, и поскольку в моей области внутренней медицины, и особенно гематологии, произошли революционные перевороты – ранее неизлечимые болезни теперь излечимы. И это обрастает огромным количеством частных, мелочей... Я был вынужден освоить вершину морфологии и стать квалифицированным патогистологом, патоанатомом. Да, я был именно *вынужден*, потому что раньше была одна болезнь, а теперь десятки отпочковавшихся от нее, со своей программой лечения. Вот это все диктует совершенствование диагностическое, совершенно новые диагностические решения, ранее нам не ведомые.

В семье...

Ну, в семье... У меня умерла жена. Сейчас у меня вторая жена – Александра Михайловна Кременецкая.

В другом...

В чем другом? Хватит этого. Надо строить институт. Сейчас я занят его реконструкцией. Хватит дел.

5. Ваше отношение к своим родителям и предкам?

Это для меня святые люди. Отца расстреляли 20 декабря 1936 г. Я его боготворил и боготворю до сих пор, это мой ведущий человек по всей моей жизни. Опять, как с Варей, странно – мне было восемь лет, нет, даже еще не исполнилось, когда его арестовали... Прошло 65 лет. Как это так? А вот так, и никаких и как. Мне передалось многое. И форма общения с людьми, манера говорить, выступать, поиск простейших, точнейших выражений, умение держать аудиторию, но главное – его необыкновенная доброта (конечно, я не могу о себе так говорить, что я добрый, пусть обо мне уже говорят другие...). Но всегда, когда говорили о папе, на лице у людей была добрая улыбка. Мама сохранилась, она суммарно просидела 18 лет. Конечно у меня с ней очень близкие и теплые отношения. Но вы представляете себе – она оставила восьмилетнего ребенка, а вернулась в 1954 г. к 26-летнему. Она моего старшего сына Ивана звала Андрюша, потому что для нее он – это я.

6. Ваше отношение к своим детям и внукам?

Как в том еврейском анекдоте: «Разве это дети? Это сволочи!» Я шучу, конечно, но не могу сказать, что у нас такие же отношения, как у меня с моими родителями. Там были надорванные судьбы, и напряжение в отношениях. Дети и внуки выросли в профессорской семье, у них папа – профессор, у них другая жизнь... Но, все-таки, мои оба сына профессора, оба серьезные ученые. Старший заведует лабораторией, он биолог, гистолог, много публикуется за рубежом. Младший заведует кафедрой в 1-м Мединституте, занимается своим серьезным делом. Никогда никому этого не говорю, но на самом деле я очень многому у них учусь в буквальном смысле. Вот расхожее уже выражение, когда меня спрашивают о медицине, я говорю постулат: «За больного должен платить здоровый!» Это мне сказал мой старший сын. Конечно, я нигде на это не ссылаюсь, как тут сошлешься – это ведь фраза. Работа по стандартам, внедрение принципиально точной лечебной медицины начал когда-то, позвав молодого еще своего младшего сына. Он, конечно, продолжил эту работу, и теперь уже он мной руководит, а не я им. Вообще, в профессиональном плане мы с ними очень хорошо контактируем, очень дружно работаем, хотя в личном плане я не могу сказать, что у нас такая уж близость. Я – дитя революции, а на них повлияла контрпропаганда... Не то чтобы они капиталисты, но того пиетета перед Маяковским... Может быть все повернется, кто знает. А внуки? Я с ними вижусь, хотя очень мало даю им своего внимания из-за того, что сумасшедшая работа.

7. В чем для вас смысл жизни?

Я никогда не задумывался о смысле жизни. Жизнь не оставляла времени для раздумий. С раннего детства... В восемь лет сирота, опечатали квартиру, негде жить, потом интернат, фактически два года в детском доме... Нужно выбиваться в люди, не попасть в ремесленное училище – работа, вечерняя школа, перебрался в нормальную школу. Надо было выколотить медаль (это делала Варя). И институт – а там надо было учиться так, чтобы получать повышенную стипендию, иначе есть нечего... Где тут о смысле жизни думать.

8. К каким добродетелям относитесь с наибольшим уважением?

К человеческой порядочности, к человеческой доброте, к честному слову.

9. К какому пороку относитесь с наименьшим снисхождением?

Я могу ответить так: надо читать Нагорную Проповедь – там все сказано. У меня никаких коррективов к Нагорной Проповеди нет. Все очень ярко, понятно. Все истоки гуманистической идеологии в Нагорной Проповеди – это мечта человечества. К сожалению, Ева у нас была одна и все ее пороки во всей толпе ее потомков.

10. Ваше любимое занятие?

Во-первых, музыка. Я люблю слушать. Я когда-то играл на рояле, но после ареста родителей у меня все вылетело. И литература! Читать, читать, каждый день хоть немножко. Иногда, когда совсем спятил от усталости, – «Евгения Онегина» открыл и как будто бы в первый раз! Стал Лермонтова читать, по десятому кругу... Мне трудней переживать «Героя нашего времени» так, как я его переживал тогда... Толстого – с удовольствием, с любого места. Достоевского – не люблю, с уважением, но не люблю – чужой.

Любимое занятие раньше – это рукоделие. Раньше своими руками строил дачу. С удовольствием занимался каменными и плотницкими работами, но чем дальше, тем меньше, и сегодня я уже почти ничего своими руками не делаю. Остается одно чтение и публицистика.

11. Если бы Вы были всемогущим волшебником, то что бы Вы сделали?

Да ни черта бы я не сделал, если бы я был всемогущим волшебником.

Для себя...

Для себя вообще ничего.

Для близких...

Для внуков нужны трудности, которых я пока не могу придумать. Вы понимаете, они сыты, ухожены, они не знают, что такое труд по-настоящему, они не знают, что такое несчастье, они пройдут мимо горя, потому что они его не видели. И в этом уродство их воспитания, в котором я виноват.

Мой стих трудом громаду лет прорвет
И явится весомо, грубо, зримо,
Как в наши дни вошел водопровод,
Сработанный еще рабами Рима...

Ведь это вымученные, выстраданные стихи...

Я хочу быть понят родной страной,
А не буду понят, что ж...
Над родною страной я пройду стороной,
Как проходит косой дождь...

Эти стихи написаны кровью и это не подделка, не показуха, нет. Это моя эпоха, и я знал, что люди жили для людей. Когда сегодня говорят, что надо жить для настоящего, а не для будущего... Во-первых, это антихристианство. Как это так — напялили нательные кресты и не знают, за что погиб Христос. Он искупил наше будущее, как же они этого не понимают. Они вообще ничего не понимают. Им теперь это все равно. Жрать, пить и курить — вот это вот хорошо... Но хорошо ли?